

Виктор Ивашков

Не вернусь

Я не ищу с тобою встречи.
То, что прошло, не изменить.
К чему пустые вздохи-речи,
Зачем бывшее шевелить?

Все под годами зачерствело,
Ушло в туман минувших дней.
Сберечь любовь мечты моей
Судьба-разлука не сумела.

Зачем больное чувство трогать
И нагонять на сердце грусть?
Пойду один своей дорогой,
К тебе я больше не вернусь.

Алексей Кропотин

Наше спасение

Спасение наше — движенье.
Зимой — на лыжах скольженье,
А летом, а солнечным летом
Тропинкой, асфальтом прогретым,
По лугу, по лесу, по паркам
Бегом от одышки, инфаркта,
Ринита, плеврита, невроза,
От лени, хандры и хондроза,
Бегом. И оставьте сомненье.
Спасение наше — движенье.

Юрий Воронин

Наш формат

Карманный сборник.
Крошечный формат.
И о любви. И о войне.
Своими виршами богат —
и о тебе, и обо мне.
Его читают по весне.
В заторах быта. В вечных пробках.
Там мысль зарыта для неробких
И для судьбы, что в вышине.
Страницы жгут сигарным дымом,
Поэтикой дешевых красок.
А на свидании с любимым
Все ж предпочтенье нежным ласкам.
Затертый сборник. Нет обложки.
Скучна газетная печать.
Но на «развалах» одиночки
К нему склоняются опять.

Осень по-каширски

Листопад на косогоре —
Прибираются леса.
И мелькнет на рыжем склоне
Рыжим факелом лиса.
Удивительное небо.
В ярких платьях сто рябин.
Я давно в Кашире не был
И люблюсь ей один.
«Любоваться надо чаще,
Просыпаться у реки,
Нет Каширы нашей краше», —
Призывают рыбаки.
Польхнется вдали зарница.
Повздыхают старики:
«Пусть Кашира — не столица,
Просто чудо у Оки!».

Анатолий Прядкин

Всем миром

Огонь метлой березовой не тронь,
Он на дыбы взметнется, словно конь,
Которого кольнет обиды жало,
И вспыхнет пламя нового пожара.

Тушить пожар положено водой.
И для земли приятней так родной,
И будет цел для бани хлесткий веник,
В парной он принесет всем вдохновенье.

А вот когда горят всюю леса
И людям разъедает дым глаза,
Всем миром стоит встать против пожара,
А грешным Бога пригласить, пожалуй!

Уголок Каширы

Тюрьма. Магазин. Аптека.
И за котельной труба.
Старая библиотека.
Рядом — с охраной банк.

Поодаль, через дорогу,
Виден Введенский храм,
И в скверике, слава Богу,
Царит еще птичий гам.

Таких уголков в России
Сроду не отыскать.
Над ним только небо синее,
Под небом — грусть и тоска.

Алексей Хованский

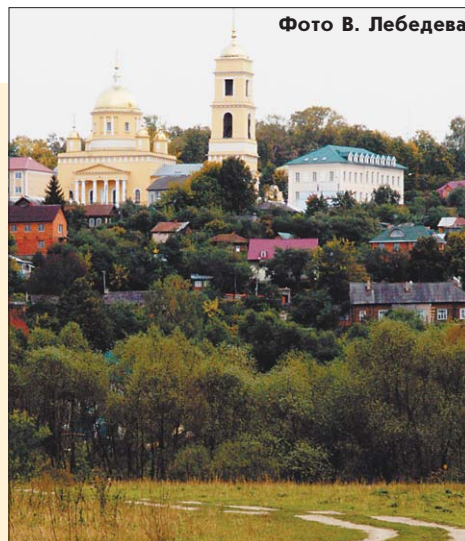
Старый город

НОСТАЛЬГИЧЕСКАЯ ЗАРИСОВКА

Когда-то, уже довольно давно,
я жил в старой части Каширы,
на Красноармейской улице,
недалеко от церкви Флора и Лавра.
Дом был казенный, от местной
больницы, деревянный, поделенный
на несколько квартир, каждая —
с отдельным крыльцом. Прилегал
к нему сад. Деревья тогда, что
естественно в детстве, как и сказано
в одном фильме, казались мне
очень большими, даже огромными,
а солнце — необъятным, занимаю-
щим все небо. В доме была печка,
большая, белая, и зимой, а зимы
были многоснежными и морозными,
я чаще всего играл около нее.

Как известно, детство — прекрасная
пора. Поэтому все воспоминания
о нем непременно окрашены в мягкие,
солнечные и теплые, ностальгические
тона. Боже, как давно это было!
Давно умерла бабушка, работавшая
заведующей в местном роддоме,
и уже давно я не живу в том доме.
Но вспоминаю о нем постоянно,
всю жизнь.

Вообще, старая часть Каширы,
или, как ее еще называют, Кашира-1,
— это какое-то особое место.
Для меня, во всяком случае, особое
и милое. Взять, к примеру, каширские
сады. Я нигде и никогда не видел
таких садов, больших, зеленых,
с обилием яблок в августе. И домов
не встречал столько самых разных,
но всегда красивых. А церкви! Ни

одна не похожа на другую. А улицы
и тихие переулочки...

Все это пронизано какой-то
необъяснимой поэзией. Хотя, нет,
вполне объяснимой. Мне кажется,
что именно в таких городках, старых
и тихих, только и живет сейчас еще
поэзия. В наше меркантильное время,
когда редкостью стали подлинные
чувства, старая часть Каширы
остается островком чего-то подлинного,
частичкой настоящего. Может быть,
я преувеличиваю, но если и так,
то совсем, совсем немного.

Я каширянин. Каширский воздух,
просторные каширские улицы,
Ока, полноводная и чуть ленивая, —
все это для меня наполнено смыслом
и непременно нужно мне...

Как приятно в августе, когда
жизнь улиц и переулков насыщена
теплым воздухом, ветром с Оки,
запахами спелых садов, неспешно
пройти по Красноармейской, по улице
Горького, потом по Советской...
Хорошо у нас.

Майя Самохина

Осень

Лето скатилось в осень,
осень смеялась грустно,
Лето скудело быстро,
осень ступала грузно.

Яблочный запах всюду,
гроздьга горят рябины,
Бусы надел шиповник, алые,
как рубины...

Дымка костров повисла,
горечью пахнет воздух,
Ржавчина траву съела,
листьев по саду — ворох.

Скоро ослепнут дачи —
ставни закроют очи.
Небо дождем заплачет,
станут все дни короче.

Сентябрь

1.

Прогремел Илья-пророк
Колесницею,
Села осень на порог
Рыжей птицею.
Постучала клювом в дверь
И растаяла.
Яркий отблеск от потерь
Мне оставила.
Я не стану воевать
С горькой памятью.
Буду жить да поживать
В снежной замети.
Вспыхнет на небе звезда
И сверкнет в окне,
И когда-нибудь судьба
Улыбнется мне.

2.

На деревне стало тихо,
Люди песни не поют.
Облетела облепиха,
Птицы гнездышек не вьют.
В поле трактор не грохочет,
Он свое уж отпахал.
И длиннее стали ночи,
Холод зубы показал.
Скоро снег закружит танец
Белый с зимушкой-зимой.
Дуй же, ветер, дуй, скиталец,
Под окошком песню пой.

3.

На дворе сентябрь,
На душе — январь.
Взять бы да порвать
В календарь.
И опять вернуть
Радостные дни,
Словно заглянуть
В радужные сны.

4.

Из россыпи осенних красок осталась
серая одна.
Усердно ею красит осень все,
что я вижу из окна.
Вот улица в плену тумана,
прохожих тени, как из снов,
Отгородились от обмана
цветными шляпками зонтов.
По серой мостовой напротив,
скользя колесами в воде,
Неслышно движутся машины
и исчезают в серой мгле.
Рассвета серое свеченье переползает
тихо в ночь.
А солнца луч, теряясь где-то,
туман не в силах превозмочь.
Мне серость действует на нервы —
и все не то, и все не так.
И замерло как будто время —
кукушка спряталась в часах.
Пора, пора менять окраску,
от серого — к цветам иным,
И очутиться, словно в сказке,
среди белого — под голубым.